

УДК 94(47)''1828/1861'':332(045)

*П.П. Котов***ОБЩЕСТВЕННАЯ ЗАПАШКА В УДЕЛЬНОЙ ДЕРЕВНЕ РОССИИ В 1828–1861 ГОДАХ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА**

Изначально удельных крестьян, наравне с другими, обязывали создавать резервы на случай неурожая, которые сосредотачивались в сельских запасных хлебных магазинах. Система их наполнения оказалась неэффективной и поэтому в 1828–1829 гг. в удельной деревне России была введена общественная запашка. Первоначально она рассматривалась только как средство своевременного наполнения по установленным нормам запасных сельских магазинов. С середины 1830-х гг. общественная запашка становится базовым элементом развернувшейся политики попечительства удела. Одновременно удел, определив размеры «излишек урожаев», стимулировал заинтересованность всех чиновников в результативности общественных полей. Развернулась жёстко регламентируемая и контролируемая деятельность, вследствие которой урожайность хлебов достигла высоких показателей, и удельные чиновники стали получать солидные вознаграждения. Однако достижение положительных результатов потребовало больших денежных средств, усилий удельного ведомства и увеличения трудовых затрат крестьян. Успехи на общественной запашке, в условиях господства феодальных отношений, не получали распространения среди крестьян и не могли изменить общего низкого уровня земледельческого производства. Крестьяне усматривали во внедрении общественных полей сокращение их земельных угодий, увеличение натуральных отработок, усложнение по своевременной обработке собственной пашни, ограничения в сфере отходничества и занятий промыслами и другие негативные последствия.

Ключевые слова: удельные крестьяне, неурожай, запасные хлебные магазины, общественная запашка, посевы и урожай хлеба.

В последнее десятилетие большое внимание уделяется проблеме обеспечения продовольственной безопасности нашей страны. В связи с этим вновь становятся актуальными исследования различных проблем аграрной истории. В период господства феодальных отношений, когда главную сферу экономики России представляло сельское хозяйство, большим бедствием являлись неурожайные годы. Поэтому в конце XVIII в. принимается окончательное решение о создании продовольственных резервов, большую часть которых предполагалось сосредоточить в т. н. сельских запасных хлебных магазинах. Их наполнение произвелось за счёт натуральных хлебных или денежных сборов с крестьян [11, с. 90–96].

После 1822 г. стала прорисовываться специфика содержания запасных хлебных магазинов у разных групп сельских жителей, особенно заметная у удельных крестьян, категория которых была образована 5 апреля 1797 г. [13, т. XXIV, № 17906, с. 525–569]. Верховным собственником удельных владений и крестьян считалась царская семья, а непосредственное управление ими возлагалось на Министерство (Департамент) уделов. Местными подразделениями были удельные экспедиции, с 1808 г. — удельные конторы (имения). В их рамках создали удельные приказы и отделения, которые функционировали на принципах крестьянского (общинного) самоуправления.

В 1827 г. вице-президентом Департамента уделов (реально — руководителем) был назначен Л. В. Перовский. Он сразу обратил внимание на некоторые упущения в деятельности ведомства. В частности, выяснил, что в подведомственных запасных хлебных магазинах не был накоплен положенный запас зерна — по 2 четверти на ревизскую душу. Мало того, Л. В. Перовский пришёл к выводу о невозможности создания нормативного запаса хлеба при существующих правилах его формирования — для этого нужно было 32 года «бездоимочного» сбора хлеба или 48 лет денежных сборов. Но крестьяне не могли полностью и регулярно вносить хлеб и имели большие недоимки по этим статьям. Да и неурожай в рамках 30–40-летних периодов случались по 5–6 раз [14. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 120–122]. Это послужило причиной для изменения принципа наполнения запасных хлебных магазинов. В его основу положили «поля общественной запашки».

До 1917 г. на тему о т. н. общественной запашке было обращено внимание по сути лишь в «Истории уделов», в которой она оценивалась как необходимая мера «спасения» крестьян от голода и полезная для улучшения их полевого хозяйства [5, с. 142–178]. Напротив, в работах советских историков общественная запашка рассматривалась исключительно как пример усиления крепостнического гнёта и введения «удельной барщины» [2, с. 324–327; 15, с. 156–188]. Более взвешенная оценка по ней нами

неоднократно выказывалась [10, с. 12–14, 37]. В отдельных случаях она была поддержана в контексте изысканий других проблем [3, гл. 2]. Поэтому исследование введения и функционирования общественной запашки остаётся актуальным. Её региональное изучение позволяет выявить и общую канву, и специфику бытования в разных местностях тем более, что в некоторых регионах страны удельные крестьяне представляли значительную часть населения. На Европейском Севере России по X ревизии их насчитывалось 62343 ревизских души, что составляло более 11 % всех жителей [6, с. 167–178].

25 сентября 1827 г. Николай I подписал указ о введении общественной запашки в удельных имениях. Под неё отводилась крестьянская земля из расчета 1/32 дес. на ревизскую душу в «малоземельных» и 1/16 дес. в «изобилующих землею» губерниях. «Малоземельными» считались губернии, в которых на ревизскую душу приходилось менее 3 дес. пашни. Обработка полей возлагалась на крестьян, собранный урожай складировался в запасных магазинах. Деньги, вырученные от продажи хлеба в рамках обновления запасов зерна, обращались во вспомогательный капитал и использовались в неурожайные годы и для «полезных заведений». Запашка должна была служить также примером «рачительного» ведения земледелия [12, т. II, № 1406, с. 819–821]. Отметим, что в Архангельском имении общественная запашка была «заведена» лишь в 1829 г., поскольку управляющий опасался возмущения крестьян, которые ещё с осени поделили участки пашни и часть их засеяли озимыми [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 678. Л. 1–3об]. В другом случае для дворцовых (бывших коннозаводских) крестьян Владимирской губернии денежный сбор в 25 коп. с души был заменён «запашкой общественных полей» только в 1834 г., хотя для собственно удельных поселян губернии она вводилась изначально [12, т. IX, отд. 1, № 6930, с. 230]. Напротив, в Санкт-Петербургской губернии она вскоре была отменена.

Появление ещё одной натуральной повинности в удельной деревне сопровождалось сокращением тягловой пашни у крестьян. Во Владимирском имении она сократилась на 3,8 %, в Новгородском — на 5,7 %, в Вологодском — на 7,8 % и в Архангельском имении — на 10 %. По приказам такая отрезка также варьировалась: в Архангельском имении — от 7,8 до 13 %, в Вологодском — от 6,4 до 10,5 %. Ещё более разительной она была по селениям. Так, в д. Федяиха Турундаевского отделения было урезано 1,8 % крестьянской пашни, тогда как в д. Яковлевской Афанасьевского приказа — 20,9 % (Вологодское имение); в д. Никулинской — 7,2 %, а в селениях Харитоновское, Семушинское и Дементьевское — 30,3 % пашни (Устьважский приказ Архангельского имения) [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 279. Л. 65–66; Д. 678. Л. 9–155; Д. 680. Л. 52–218; Д. 687. Л. 121–122].

В последующие годы увеличения площади запашки не предполагалось и с ростом населения в расчёте на душу она даже сокращалась. Но абсолютно к 1861 г. её размеры всё-таки немного расширились: по всему уделу примерно на 1 %, по Архангельскому имению — на 0,4 %, по Вологодскому — на 3,2 % [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 678–2088]. Некоторое увеличение общественной запашки было связано с округлениями, которые применялись для определения душевого надела общественной запашки при проведении каждой ревизии. Они производились всегда в пользу этой запашки [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2079. Л. 2об, 7об, 9, 67об–68об]. Другой причиной были происходившие иногда переселения крестьян. Типичным служит пример с удельным крестьянином Иваном Кувакиным, который в 1853 г. переселился из д. Жилинской Великоиколаевского приказа во вновь образованную д. Кузнецовскую Устьпаденского приказа (Архангельское имение). По прежнему месту жительства его доля в общественной запашке не была сокращена. На новом месте крестьянина заставили выделить в счёт общественной запашки «изначальную долю» — по 1/32 дес. на каждую из трёх ревизских душ его семьи [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2079. Л. 84–84об].

В редких случаях отдельные чиновники предлагали незначительные сокращения общественной запашки «по важным поводам». Так, в январе 1856 г. управляющий Архангельской удельной конторой Шишмарев «испрашивал урезать» общественные поля «на 11 дес. 1966 саж. по причине исчезновения многих деревень» [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2079. Л. 111об–115об]. Он понимал, что на Севере удельные поселяне часто затрачивают на дорогу больше времени, чем на собственно обработку общественной запашки. В случаях с обезлюдевшими селениями эта ситуация становилась вопиющей. В ответ на просьбу Шишмарева Департамент уделов традиционно заключил: «Нет надобности, крестьяне не жалуются». Он неоднократно разъяснял возможности только «в случае значительной убыли населения в числе душ, убавить площадь общественной запашки, а земли причислить к оброчным статьям» [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2079. Л. 116–119; Д. 2088. Л. 208–208об]. Обратим внимание на окончание процитированной фразы — удельное ведомство рассматривало общественную запашку уже как свои земли. И фактов действительного сокращения запашки в архивных источниках не выявлено.

Немаловажно, что под общественную запашку вымежёвывались лучшие участки из крестьянских угодий. Например, в Архангельском имении к разряду «хороших» относилось только 23,2 % крестьянской пашни, «средних» — 32,3 % и «плохих» — 44,5 %, тогда как на общественных полях 56,7 % занимали «хорошие» земли, 16,1 % — «средние» и 17,2 % — «плохие» [14. Ф. 515. Оп. 10. Д. 4298. Л. 3–127; Оп. 12. Д. 2518. Л. 245–249; Оп. 16. Д. 807. Л. 3–132].

Введение общественной запашки усилило чересполосицу. Среди крестьянских полей только Архангельского имения было сформировано 37 её участков, Вологодского — 43. Их количество «в силу обширности территории» с течением времени увеличилось в Архангельском имении до 47, в Вологодском — до 45 (при незначительном расширении, как указывалось, общей площади запашки). По закону предусматривалось «приписывать» к участку от 500 до 1000 ревизских душ. На практике эта норма соблюдалась не всегда. В Архангельской конторе, всё по той же «обширности территории», на участок приходилось от 160 до 902 душ, в Вологодской — от 168 до 948 душ [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 678. Л. 5–154; Д. 680. Л. 520б–218; Д. 1791. Л. 191об; Д. 2079. Л. 70–104; Д. 2088. Л. 171].

Во главе участков ставились приказчики из крестьян, переименованные в 1832 г. в смотрителей запашки. Они наблюдали за обработкой общественных полей, оброчными статьями (арендуемыми крестьянами у удела землями) и ведали запасными магазинами. Им была разрешена постоянная плата благодаря сборам по 40 коп. в год с ревизской души. Изначально же она существовала только в 5 удельных имениях, в т. ч. в Архангельском. Ещё в 4 (включая Вологодское) её размер определялся сбором по 20 коп. с души. В Смоленском имении все смотрители получали по 120 руб. в год. В остальных 10 имениях предусматривались «только усердным единовременные пособия». Такое разнообразие не устраивало Департамент уделов, и в 1835 г. он «определил во всех имениях» выплачивать смотрителям по 1 руб. в год с каждой десятины их участка общественных полей [14. Ф. 515. Оп. 1. Д. 35. Л. 121–123; Оп. 12. Д. 651. Л. 8; Д. 711. Л. 6–60б, 9–90б].

Первые годы существования запашки дали неожиданный для удельного ведомства результат. В целом по уделу, за исключением нескольких имений (включая северные), урожайность на запашке была ниже, чем на крестьянских полях [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 766. Л. 30б, 7–8]. Обратив на это внимание, Л. В. Перовский в 1834 г. предложил разделить все удельные имения на три группы. Для каждой из них определили обязательную норму урожайности: в первой группе (4 имения) — озимого «сам 5» и ярового «сам 4,5», во второй группе (7 имений) — озимого «сам 4» и ярового «сам 3,5» и в третьей группе (9 имений, включая северные) — озимого «сам 3» и ярового «сам 2,5». Для выявления «степени урожая» и предотвращения хищений зерно после обмолота и перед распродажей тщательно измеряли специально «заведёнными железными мерами с печатями». Весь излишек хлеба против введённой нормы продавался, а деньги распределялись следующим образом: смотритель запашки получал 20 % со своего участка, приказной голова — 9,8 % с приказа, чиновники контор — 10 % и управляющий — 25 % с имения, чиновники Департамента уделов — 15,2 % с каждого имения и 20 % шло в «хлебный капитал» [12, т. IX, № 6909, с. 220]. Ещё раньше, в 1830 г. было принято постановление об отчислении уделу 10 % от сумм, вырученных от любой продажи хлеба [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1791. Л. 95–191об]. После указа 1834 г. в повышении урожайности на общественной запашке заинтересовали всех удельных чиновников и «начальников из крестьян».

Плодородие хлебов во многом зависело от удобрения запашки. Поэтому после 1834 г. вводились нормы «унавоживания» общественной запашки, за исполнением которых следили местные власти. Правда, в отличие от других имений, проблемы с удобрениями на Севере не существовало. Здесь соотношение количества скота к площади пашен было выше по сравнению с другими регионами, и, к тому же, крестьяне могли навоз заменить торфом [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1242. Л. 1–4, 9–12, 19–190б].

Пытаясь увеличить урожай на общественной запашке, а значит и свои доходы, удельное ведомство обратило внимание и на затраты семян. Они, по мнению чиновников, были «излишними», что послужило основанием для регламентации норм высева семян. Материалы таблицы 1 иллюстрируют, что в 1835 г. чиновники определили затраты семян на 1 дес. запашки для озимой ржи и ячменя в 1–1,25 четверти, ржи вазы — в 0,75–1,0 четверти и овса — в 1,5–2,0 четверти. В 1845 г. эти нормы понизили для ржи и ячменя — до 0,875–1,0 четверти, ржи вазы — до 0,625–0,75 четверти и овса — до 1,5–2,0 четверти. Вводимое нормирование густоты посевов реализовывалось на практике. Так, с 1829–1835 по 1846–1858 гг. высев озимой ржи на 1 дес. общественных полей Архангельского имения сократился с 1,22 до 0,93 четверти, ячменя — с 1,22 до 1,0 четверти и овса — с 2,58 до 1,98 четверти. В этот период в Вологодском имении аналогичные показатели по яровым также уменьшились примерно на четверть, ржи чуть меньше — на 18,9 % (см. табл. 1).

В основном, густота озимых посевов на крестьянской пашне удельной деревни Севера превосходила её показатели на общественной запашке. Исключение составляли 1836–1845 гг., когда на 1 дес. крестьянских полей Архангельского имения высевалось 1,09 четверти озимой ржи, а на общественных полях — 1,12 четверти. Но посевная практика на общественной запашке отражалась на эволюции посевов в крестьянских хозяйствах. Во всяком случае, с 1829–1835 по 1846–1858 гг. высеив озимых на 1 дес. крестьянской пашни Архангельского имения уменьшился с 1,21 до 1,07 четверти, или на 11,6 %, Вологодского имения — с 1,24 до 1,13 четверти, или на 8,9 % (см. табл. 1).

Таблица 1

Посевы зерновых культур на общественной запашке северных удельных имений в 1829–1858 гг. (в четвертях на 1 дес.)

Культуры	Нормы высева			Архангельское имение			Вологодское имение		
	1835 г.	1845 г.	1860 г.	1829–1835 гг.	1836–1845 гг.	1846–1858 гг.	1829–1835 гг.	1836–1845 гг.	1846–1858 гг.
Рожь	1,0–1,25	0,875–1,0	0,75–1,25	1,22	1,12	0,93	1,22	1,06	0,99
Рожь ваза	0,75–1,0	0,625–0,75	0,75–1,0	—	1,06	0,76	—	0,94	0,76
Ячмень	1,0–1,25	0,875–1,0	1,0–2,0	1,33	1,23	1,0	1,34	1,24	1,0
Овес	1,5–2,25	1,5–2,0	1,25–2,0	2,58	2,12	—	2,61	2,20	1,98
Овес английский	—	1,5–2,0	1,25–2,0	—	2,0	1,98	—	1,81	1,96
Озимые на крестьянской пашне	Не нормировались			1,21	1,09	1,07	1,24	1,11	1,13

Примечание: тире (—) означает, что культура не высевалась.

Источник: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39–74; Оп. 12. Д. 526–2311.

Мерой увеличения урожайности на общественных полях и комплекса положительного воздействия на крестьянские хозяйства Департамент уделов рассматривал распространение новых сортов земледельческих культур. До конца 1830-х гг. на общественной запашке Севера сеяли только «обыкновенные» зерновые. Затем началось внедрение различных сортов ячменя, озимой пшеницы, овса, бобов, гороха и др. — всего 25 наименований культур. При этом почти не учитывались не только местные земледельческие традиции и практика, но даже природные и климатические условия регионов. Не случайно многие новые зерновые культуры даже не всходили на северной запашке, другие давали очень низкие урожаи или быстро вырождались [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1572. Л. 60–160; Д. 1712. Л. 3–63; Д. 1719. Л. 2–130]. Правда, наблюдались и единичные исключения. В 1840 г. на общественной запашке Севера появляется овёс английский, который постепенно вытеснил традиционный сорт и в 1850-х гг. охватывал от 42 до 70 % яровой площади. С 1841 г. здесь распространяется рожь ваза. В середине 1850-х гг. она занимала свыше 80 % озимых общественных полей [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1010–2265]. В отдельных случаях, когда достигались положительные результаты, новые культуры внедрялись и на крестьянских полях. Впрочем, с течением времени основная их часть исчезала из посевного клина северной удельной деревни. К 1860-м гг. в нём перестали культивировать даже овёс английский, хорошо зарекомендовавший себя на общественной запашке. К этому времени и посевы яровой ржи и пшеницы остались незначительными. Из зерновых, пожалуй, лишь рожь ваза имела успех среди удельных крестьян региона. В 1852 г. в Архангельском имении она охватывала 7 % посева озимых, в 1854 г. — 31 % и в 1857 г. — 26 %. В Благовещенском приказе этого имения в 1853–1855 гг. под ней было всё озимое поле [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1954. Л. 4об–5; Д. 1961. Л. 2об–3; Д. 1966. Л. 2об–3; Д. 1972. Л. 2об–3; Д. 2074. Л. 2об–3].

В 1834 г. на общественной запашке началось распространение картофеля. Для него в январе 1836 г. также был определён минимум урожайности, размеры которого по группам имений сопоставлялись с размерами минимума озимых хлебов [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 800. Л. 1–7об]. Урожайность его почти во всех удельных имениях была очень низкой, картофель был поражён болезнью, и с 1848 г. на общественной запашке его не высаживали. Архангельское имение при этом составляло исключение.

Вначале и здесь наблюдались незначительные урожаи картофеля, но в 1839–1847 гг. они составляли уже уровень от «сам 3,2» до «сам 9,0» (в среднем «сам 5,8»). Это, несомненно, повлияло на то, что посадки картофеля на крестьянских полях Архангельского имения появились раньше, чем в любом другом имении. Не случайно и после введения с 1842 г. обязательных посадок картофеля его площадь в удельной деревне Архангельской губернии в расчёте на душу населения превышала таковые же показатели по остальным регионам [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 772–1503].

Для умножения урожаев удельное ведомство попыталось использовать ещё один способ — заменить господствующую на общественной запашке, как и на крестьянских полях, трёхпольную систему на многопольную систему земледелия. Вероятно, эта инициатива не получила широкого распространения. Во всяком случае, по циркулярам 1840 г. в северных имениях оставили трёхполье, при обязательстве, что посевы будут занимать не менее 2/3 площади общественной запашки [14. Ф. 515. Оп. 1. Д. 51. Л. 74; Д. 54. Л. 60–60об; Д. 56. Л. 42об; Оп. 2. Д. 298. Л. 74, 78].

Департамент уделов пытался также улучшать орудия и способы обработки земли. Так, в 1850 г. на общественной запашке Архангельской конторы и в 1853 г. — Вологодской появляются плуги. Ими обрабатывалось не более 26 дес. в каждой конторе и достаточно быстро от них отказались [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2081. Л. 1–59; Д. 2091. Л. 3–42]. Некоторые «новшества» всё-таки закреплялись, в т. ч. и на общественных полях Севера. Практиковалась обкатка площадей, занятых овсом для уничтожения сорняков; бороздильники для картофельных полей, вспашка яровых полей с осени (кроме чернозёмных имений) и «глубокая вспашка». Отдельные орудия труда («катки», например) и некоторые агротехнические приёмы (вспашка яровых с осени), которые повышали урожайность, внедрялись постепенно и в крестьянских хозяйствах [14. Ф. 515. Оп. 1. Д. 57; Оп. 12. Д. 1370, 2081, 2091].

Участки общественной запашки обрабатывались крестьянским инвентарём и скотом по заранее составленным «миром» и утверждённым управляющими конторами приговорам. По закону крестьяне имели право, с согласия мирского общества, нанимать лиц, которые выполняли бы за них работу на запашке. После утверждения приговора такая замена запрещалась. В случае отсутствия крестьянина, общество само нанимало работника за счёт отсутствующего. Впрочем, нанять работника тогда было непросто, необходимы были свободные работники и денежные средства. Однако и в эту процедуру удел вмешивался и требовал от местных чиновников, что «означенные работы [на общественной запашке. — *К. П.*] и количество навоза каждый должен исполнить в своё время непременно, ... не должно быть никаких сделок на передачу сих работ другим» [1. Ф. 740. Оп. 5. Д. 305. Л. 4–4об]. Поэтому крестьянам приходилось самим выполнять работы на общественных полях. Их объём в Архангельском имении зависел от количества тягловой земли, полученной крестьянами при переделах, в Вологодском — от числа ревизских душ в семье [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2079. Л. 111об; Д. 2088. Л. 199об].

Кроме непосредственных работ на общественных полях, крестьян обязывали строить, ремонтировать и охранять запасные хлебные магазины, выделять работников для учёта и сортировки зерна и мн. др. На подобные «организационные меры» с крестьян эпизодически взимались денежные сборы. В удельной деревне Архангельской губернии в 1830 г. они составили около 50 коп. с души, в 1837–1845 гг. — от 0,5 до 13 коп., в 1848–1863 гг. — от 1 до 32 коп., в Вологодской в 1856–1863 гг. — от 5 до 9 коп. (везде сер.). Тем самым натуральные повинности дополнялись денежными сборами [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2521. Л. 1об].

После введения минимума урожаев в 1834 г. и последовавших административных мер, повлекших усиление эксплуатации удельных крестьян, урожайность зерновых на общественной запашке, действительно, увеличилась и стала заметно выше, чем на крестьянских полях. Данные табл. 2 показывают, что в 1835–1861 гг. особенно высокие урожаи достигались в озимом клине северных общественных полей, составляя в некоторые периоды «сам 7,0» и более. В эти годы на крестьянской пашне урожайность не превышала «сам 4,3». По пятилетним периодам за 1841–1855 гг. урожаи яровых на общественной запашке Севера («сам 3,8–5,9») превышали аналогичные показатели даже по озимым на крестьянских полях («сам 2,9–4,3»).

Обратим внимание на два фактора. С одной стороны, северная пашня обладала существенным резервом для повышения уровня земледелия, который выявлялся в случае тщательной обработки полей, своевременном выполнении всех операций и других мер. С другой стороны, наблюдалось почти полное совпадение амплитуды колебаний урожаев на общественной и крестьянской запашке, что свидетельствует о сильной зависимости результативности северного земледелия от погодных и других природных условий.

Таблица 2

**Урожайность хлебов (в «саамах») на общественных и крестьянских полях
в северных удельных имениях в 1829–1861 гг.**

Годы	Архангельское имение				Вологодское имение			
	общественная пашня		крестьянская пашня		общественная пашня		крестьянская пашня	
	озимые	яровые	озимые	яровые	озимые	яровые	озимые	яровые
1829–1834	5,1	3,3	4,3	3,2	4,9	3,0	3,8	2,8
1835–1840	4,4	3,3	3,6	3,0	4,6	3,6	3,8	2,8
1841–1845	5,0	5,1	3,7	3,7	3,7	3,8	2,9	3,1
1846–1850	7,0	5,9	4,3	4,3	5,5	5,4	3,5	3,7
1851–1855	8,5	4,6	4,3	3,5	7,3	4,3	4,2	3,1
1856–1861	7,5	4,0	4,2	3,1	6,4	3,9	4,3	3,0

Источник: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 39–74; Оп. 12. Д. 526–2399.

Урожай хлебов на общественной запашке превосходили введённый минимум и обеспечивали солидные вознаграждения чиновникам разного уровня. Так, управляющий Архангельским имением в 1834–1841 гг. получал «за излишек урожая» ежегодно от 458 до 3243 руб. сер., Вологодским — от 1041 до 2235 руб. [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1107. Л. 3об–4]. Оценив эти вознаграждения, Департамент уделов попытался их ограничить, вначале в низовом звене. В 1834 г. смотрители запашек Архангельского имения заработали «сверх жалования» от 8 до 464 руб. асс., Вологодского — от 4 до 336 руб. С 1835 г. им было отменено постоянное жалование и оставлено только вознаграждение «за излишек урожая» [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 711. Л. 6–6об]. В 1838 г. долю для вознаграждения управляющим северных имений снизили до 20 %, долю чиновников Департамента уделов увеличили до 16,6 %, затем — до 19 % [5, с. 162]. В 1841 г. ограничили верхние суммы ежегодных вознаграждений «за излишек хлеба» на общественной запашке. Отныне управляющий удельной конторой не мог получать более 5800 руб., приказной голова — 300 руб., смотритель запашки — 150 руб. [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1002. Л. 1–2]. И, наконец, в 1843 г. Департамент уделов, разделив на этот раз имения на 7 групп, в 11 имениях увеличил «минимум урожайности» для общественных полей. В частности, в северных имениях его подняли до уровня «сам 3,5» озимых и «сам 3,0» яровых. Правда, введение новых норм «степени урожайности» отложили до 1845 г., из-за низких урожаев в предыдущие годы [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1107. Л. 13об; Д. 1264. Л. 1–2об].

Разумеется, чиновники вновь не остались без вознаграждений. Последовавшее во второй половине 1840–1850-х гг. возрастание урожайности на общественной запашке (см. табл. 2) сызнова обеспечило высокие «премиальные», которые даже увеличивались. В 1835–1842 гг. их сумма для чинов Вологодской удельной конторы составляла от 3504 до 7343 руб. (в среднем за год — 5252,5 руб.), в 1845–1852 гг. — от 6783 до 14275 руб. (в среднем — ок. 9883 руб.) [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1953. Л. 59]. Неплохие вознаграждения доставались и сельским начальникам. Так, в 1857–1861 гг. «за излишек урожая» на общественной запашке 8 приказных голов северных имений зарабатывали ежегодно свыше 200 руб., 4 — свыше 100 и 3 — от 85 до 100 руб. [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2537. Л. 45–46об]. В 1855–1860 гг. в Архангельском имении 47 смотрителей общественной запашки получили 16925,6 руб. (в среднем по 360 руб. на одного), в Вологодском имении 45 смотрителей — 18673,6 руб. (в среднем по 415 руб. на одного). Конечно, эти суммы были несопоставимы с вознаграждениями высших чиновников, ежегодные суммы которых в 1855–1858 гг. для управляющего Архангельской удельной конторы составляли от 1831,4 до 2683 руб., управляющего Вологодской конторы — от 1785 до 3369 руб. [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2518. Л. 251об–255]. Вице-президент Департамента уделов в 1856 г. получил 28816 руб. [6, с. 533].

Необходимо признать, что после введения общественной запашки удельные крестьяне были снабжены хлебом на неурожайные годы. Правда, хлеб им и в это время или продавался, или выдавался в ссуду (практически их хлеб). Но Департамент делал для удельных крестьян в период неурожая некоторые «облегчения». Так, после неурожая в 1831 г. и плохих урожаев в 1832–1833 гг. крестьянам Вологодского имения продали 5,3 тыс. четвертей зерна по сниженным ценам [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 540. Л. 1–9об, 16–31]. При этом крестьяне нередко влезали в большие долги, которые тянулись за ними по нескольку лет. Так было и после 1831 г., и после неурожая 1835 г., когда, напр., Архангель-

ские удельные крестьяне возвращали хлебный долг по частям в течение 8 лет [14. Ф. 515. Оп. 1. Д. 57. Л. 45об; Оп. 12. Д. 729. Л. 1–26].

В обычные годы зерно из запасных магазинов должно было выдаваться удельным крестьянам в ссуду под 6,25 % в год. Однако в 1857 г. выяснилось, что в 5 имениях, в т. ч. и северных, проценты взимались только в размере годовых, даже если ссуда не возвращалась несколько лет. Департамент «строго указал» взимать проценты за каждый год отдельно, но разрешил не взыскивать их, если хлебный долг возвращался из первого урожая [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2248. Л. 23–27, 53]. Взять ссуду крестьяне могли только с согласия мирского общества. Нередко «мир» не давал разрешения бедным крестьянам на хлебную ссуду, т. к. невозвращённые долги переходили на всё общество [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 850. Л. 1–1об].

Возмещение ссуды допускалось только хорошо провеянным зерном, но предусматривалась замена одного рода хлебов на другой — озимые замещались яровыми в двойном размере (и наоборот). После низких урожаев 1840 г. эта пропорция в течение нескольких месяцев определялась исходя из цен на соответствующее зерно, а замена яровых на озимые вовсе запрещалась [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 969. Л. 1–6об; Д. 1077. Л. 1; Д. 1081. Л. 6]. Для северных крестьян возврат ссуды натурой всегда был тяжёлым бременем. Но разрешения вместо хлеба вносить деньги Департамент давал крайне редко. Они были получены только в 1835 г. для Архангельского имения и в 1858 г. — для обоих северных имений [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 729. Л. 25–26; Д. 2252. Л. 53–54об].

Некоторое преимущество удельные крестьяне получали при распродажах хлеба, которые проводились обычно в январе-марте «с торгов». При назначении равных цен с прочими лицами, хлеб продавался им. В Архангельском имении «своим» крестьянам разрешалась ещё и годовая рассрочка на покупку хлеба. На торгах реализовывалось зерно двух видов: «старое» — в рамках замены хлеба в запасных магазинах и «свежее» — излишки урожая. Последнее обычно скупалось оптом местными купцами, назначавшими цены выше, чем крестьяне. «Старый» хлеб покупали чаще удельные крестьяне, иногда мещане и государственные крестьяне. После распродажи хлеба удельные крестьяне были обязаны, в счёт работ по запашке, доставлять хлеб, купленный «сторонними» покупателями, на расстояние до 30 верст от запасных магазинов [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1769. Л. 40–42; Д. 1953. Л. 41–65].

Определённые положительные моменты для удельных крестьян Севера при продаже и ссуде хлеба часто смазывались злоупотреблениями смотрителей и приказных голов с молчаливого согласия, а иногда и при участии чиновников контор. Зерно нередко продавалось крестьянам насильно и по завышенным ценам, хлеб в ссуду выдавался «под гребло», при возврате требовался «с верхом», отвозить купленный «сторонними покупателями» хлеб крестьян заставляли далее 30 верст [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 842. Л. 1; Д. 848. Л. 1–2об]. Происходили и другие нарушения, многие из которых сельские начальники пытались оправдать. Мелкие кражи зерна, например, они объясняли «естественными потерями». Между тем, ещё в 1829 г. было «назначено: на растрату при отпусках и на повреждение мышами исключать запасного хлеба по одной четверти с каждой тысячи». В 1842 г. размеры таких «утрат» дифференцировали и увеличили: озимых до 2,5 четвертей и яровых до 3 четвертей 6 четвериков [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1081. Л. 3, 6]. Но превышение даже этих «возвышенных утрат» оставалось повседневным явлением. Происходило и прямое расхищение хлеба из запасных магазинов. Так, в Вологодском имении в 1839–1845 гг. только по выявленным случаям смотрители общественных запашек присвоили около 1 тыс. четвертей ржи, 85 четвертей ячменя и 400 четвертей овса [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 1953. Л. 60–61].

По оценкам ряда исследователей удельные крестьяне должны были работать большую часть своего времени на общественной запашке, с чем нельзя согласиться [2, с. 328; 15, с. 157]. По нашим подсчётам, основанным на сведениях архивных источников, все виды работ, связанных с общественной запашкой удельной деревни Севера, требовали от каждой ревизской души около 3 дней в году [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2079. Л. 84–84; Д. 2518. Л. 250]. Напомним, что в многоземельных имениях, по сравнению с северным регионом, земли под общественную запашку выделяли в 2 раза больше, но там и обработка её была легче. Если в Вельском имении в 1861 г. возделывание 1 дес. озимого поля стоило в среднем 25 руб. 80 коп., то в Вятском — 16 руб. 75 коп., в более южных — ещё меньше [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2518. Л. 227–280].

Полагаем, что тяжесть общественной запашки для удельных крестьян Севера заключалась, главным образом, не в количестве отработанных дней. Здесь, из-за короткого лета, во время посева и сбора хлебов дорожили каждым часом. Каждая задержка с посевом была чревата тем, что хлеб потом

не успевал созреть, да и поздние всходы были более подвержены летним заморозкам и засухе. При задержке с уборкой, зерно могло быть вообще потеряно. В любом случае, в самое приемлемое для страды время земледельцы со всем комплексом орудий труда вынуждены были совершать переезды (нередко за несколько вёрст) на приписанные участки общественных полей, обрабатывать их и лишь затем, возвратившись, приступать к возделыванию собственных угодий. Кроме того, на работы по обслуживанию общественной запашки и связанных с ней запасных хлебных магазинов некоторых крестьян вынуждено назначали в периоды, наиболее удачные для неземледельческих занятий и отходничества, без которых не могло существовать ни одно крестьянское хозяйство Севера. Не случайно, удельные крестьяне, в т. ч. северные, на всём протяжении существования общественной запашки разными способами боролись вначале против урезки тягловой пашни, затем — за избавление от этой повинности [14. Ф. 515. Оп. 1. Д. 70; Оп. 12. Д. 279, 678 и др.; 15, с. 156–188]. Обратим особое внимание на то, что в 1830–1850-х гг. общественная запашка дала толчок и стала важнейшим элементом политики попечительства. Она представлялась примером эффективного хозяйствования и выступала своеобразным опытным полигоном для посевов новых культур или их сортов, внедрения отдельных действенных орудий труда и появления более производительных пород скота. С другой стороны, именно средства от продажи хлеба с общественных полей составляли финансовую основу политики попечительства, в рамках которой удел попытался «рационализировать» крестьянское хозяйство, имея конечную и главную цель — повысить свои доходы [8, с. 103–107].

В 1861 г. общественная запашка в удельной деревне была отменена, но её плодородные участки отмежевали в пользу удела: по Архангельскому имению — 1842 дес., по Вологодскому — 2586 дес. [14. Ф. 515. Оп. 12. Д. 2421. Л. 42–43; 12, т. XXXVI, собр. 1, № 36712, с. 436]. Удельные крестьяне окончательно их потеряли в ходе реформы 26 июня 1863 г. [7, с. 32–40; 9, с. 106–112].

Таким образом, учреждённая в 1828–1829 гг. общественная запашка позволила наполнить запасные хлебные магазины в удельной деревне, в отличие от помещичьих и государственных крестьян, и избавила удельных поселян от крайних негативных проявлений неурожайных лет. Довольно быстро общественная запашка превратилась в сложный и неоднозначный компонент жизни удельных поселений. Её попытались превратить в пример образцового ведения хозяйствования, здесь апробировались новые приёмы земледелия, сельскохозяйственные культуры и орудия труда. Однако эти меры в условиях несвободы основных производителей, жёсткой регламентации и без должного учёта специфики регионов завершались в основном крахом. Результаты не соответствовали размаху мер, затраченным усилиям и средствам. Правда, некоторое положительное влияние общественной запашки всё-таки проявлялось, в частности, при внедрении отдельных «новшеств» в крестьянские хозяйства и в рамках политики попечительства. Внедрение общественной запашки выявило, что крестьяне не в полной мере использовали возможности северной пашни для умножения её результативности. Конечно, введение этой запашки усилило эксплуатацию удельных крепостных, но не столько в объёмах новой повинности, сколько в несвоевременном отрыве рабочих рук от хозяйственных нужд крестьянских дворов. После её отмены удельные крестьяне потеряли пусть и незначительные по площади, но очень качественные земли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО).
2. Грищенко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Очерки. Грозный: Изд-во Чечено-Ингушск. гос. пед. ин-та, 1959. 585 с.
3. Дунаева Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2006. 284 с.
4. Журнал министерства внутренних дел (ЖМВД). 1844. № 7.
5. История уделов за столетие их существования. 1797–1897 гг.: в 3-х тт. Т. 2: Крестьяне дворцовые, государевы и удельные. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1901. 581 с.
6. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — в первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М.: Наука, 1971. 190 с.
7. Котов П. П. Наделение землёй удельных крестьян Европейского Севера России по реформе 1863 года (на примере материалов Сольвычегодского уезда Вологодской губернии) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. 5: История и филология. 2012. Вып. 1. С. 32–40.
8. Котов П. П. Политика попечительства удела и её результаты: на примере Европейского Севера России // Вестн. Удм. ун-та. Сер. 5: История и филология. 2012. Вып. 3. С. 103–107.

9. *Котов П. П.* Удельная деревня Великоустюгского уезда Вологодской губернии и реформа 26 июня 1863 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. 4. С. 106–112.
10. *Котов П. П.* Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг.: учеб. пособие. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1991. 80 с.
11. *Котов П. П.* Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII — первой половины XIX веков // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 90–96.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. I–LV. СПб., 1830–1881. (ПСЗРИ-2).
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. I–VL. СПб., 1830. (ПСЗРИ-1).
14. Российский государственный исторический архив (РГИА).
15. *Фургин Ф. А.* Удельные крестьяне накануне и в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. В 6 тт. Т. 2. М.: Наука, 1962. 359 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arkhiv Vologodskoj oblasti (GA VO) [State Archive of Vologda Region].
2. *Gricenko N. P.* Udel'nye krest'jane Srednego Povolzh'ya: Oчерki [A tsar family's peasants of the Middle Volga Region: Essays]. Grozny, Chechen-Ingush State Pedagogical Institute Press, 1959, 585 p. (In Russian).
3. *Dunaeva N. V.* Udelnyie krestyane kak sub'ekty prava Rossijskoy imperii (konets XVIII — pervaya polovina XIX v.) [A tsar family's peasants as subjects of Russian Empire law (the end of 18th century — the first half of 19th century)]. St. Petersburg, Ed. of the Library of the Russian Academy of Sciences, 2006, 284 p. (In Russian).
4. Zhurnal ministerstva vnutrennih del (ZhMVD) [Ministry of internal affairs journal], 1844, no. 7. (In Russian).
5. Istoriya udelov za stoletie ikh sushhestvovaniya. 1797–1897 gody: v 3-kh tomakh. Tom. 2: Krest'jane dvortsovye, gosudarevy i udel'nye [A history of appanages during the century of their existence. 1797–1897 years: in 3 vols. Vol. 2: The peasants are palace, state-roar and tsar family's]. St. Petersburg, The Print. House of the Main Department of Appanages, 1901, 581 p. (In Russian).
6. *Kabuzan V. M.* Izmeneniya v razmeshhenii naseleniya Rossii v XVIII — v pervoj polovine XIX v. (Po materialam revizij) [Changes in Russian population allocation during 18 — first half of 19 century (According to censuses)]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 190 p. (In Russian).
7. *Kotov P. P.* Nadelenie zemlej udel'nyh krest'jan Evropejskogo Severa Rossii po reforme 1863 goda (na primerematerialov Sol'vychegodskogo uезда Vologodskoj gubernii) [Ownership of land allotments given appanagepeasants in the European North of Russia after the land allocation measures of 1863 (on the materials from Solvycegodsk uезд of Vologda province)]. Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2012, issue 1, pp. 32–40. (In Russian).
8. *Kotov P. P.* Politika popechitelstva udela i ee rezultaty: na primere Evropejskogo Severa Rossii [The supervising of Tsar's apanage and its results: the example of the Russian European North]. Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2012, issue 3, pp. 103–107. (In Russian).
9. *Kotov P. P.* Udel'naja derevnya Velikoustjugskogo uезда Vologodskoj gubernii i reforma 26 iyunja 1863 goda [Appanage village of Velikii Ustyug district of Vologda province and reform of the 26th of June 1863]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2011, no. 5 (11): in 4 parts, part 4, pp. 106–112. (In Russian).
10. *Kotov P. P.* Udelnyie krestyane Severa. 1797–1863 gg.: Uchebnoe posobie [A tsar family's peasants of the North. 1797–1863: A teaching aid]. Syktyvkar, Syktyvkar University Press, 1991, 80 p. (In Russian).
11. *Kotov P. P.* Hlebnye zapasnye magaziny po zakonodatel'nyim istochnikam Rossii XVIII — pervoj poloviny XIX vekov [Crop failure granaries by Russian legislative sources of the 18th — the first half of the 19th century]. Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika], 2013, no. 1 (144), issue 25, pp. 90–96. (In Russian).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy Imperii. Sobranie Vtoroe. (PSZRI-2) [The complete set of Russian Empire statutes. Set Two]. Т. I–LV. St. Petersburg, 1830–1881. (In Russian).
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoy Imperii. Sobranie Pervoe. (PSZRI-1) [The complete set of Russian Empire statutes. Set One]. Т. I–VL. St. Petersburg, 1830. (In Russian).
14. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive].
15. *Furgin F. A.* Udelnyie krestyane nakanune i v godyi revolyutsionnoy situatsii [A tsar family's peasants on the eve and during the revolutionary situation]. Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 godakh [The revolutionary situation in Russia in 1859–1861. In 6 volumes. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1962, 359 p. (In Russian).

P.P. Kotov

**PUBLIC PLOUGHING IN RUSSIAN TSAR FAMILY'S VILLAGE IN 1828–1861:
ON SOURCES OF EUROPEAN NORTH OF RUSSIA**

Historians consider that tsar family's peasants, like others, were obliged to make reserves in case of crop failures. These reserves were centralized in rural reserve bakeries. But the system of their filling was ineffective. That's why in 1828–1829 a public ploughing was established in Russian tsar family's village. First it was seen just as a tool of timely fulfil of rural reserve bakeries through established norms. Since the mid-1830s public ploughing became a key element of appanage's patronage policy. At the same time when appanage set the "harvest surpluses", it stimulated all officials in public fields' effectiveness. A rigidly regulated and controlled activity has been developed. Because of this activity a yield of cereals increased and appanage officials started to get considerable payments. But great successes required great funds, appanage department efforts and increase of peasants outlay. Success of public ploughing, in feudal relationships, didn't spread among peasants and couldn't change total low level of agricultural production. Peasants saw in public ploughing a reduction of their own land, an increase of real labour-rent, a complexity of timely processing of their fields, a limitation in hunting and in crafting and other negative consequences.

Keywords: tsar family's peasants, crop failures, reserve bakeries, public ploughing, crops and harvests of cereals.

Котов Пётр Павлович,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий сектором Отечественной истории
ФГБУН «Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Российской академии наук»
167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55
E-mail: kotovpetr55@mail.ru

Kotov P.P.,
Candidate of History, Associate Professor,
Head of the Sector of National History
Institute of Language, Literature and History of Komi
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Oktyabrskiy av., 55, Syktyvkar, Russia, 167001
E-mail: kotovpetr55@mail.ru